

Огарков Василий Васильевич

**В.А. Жуковский, его жизнь и
литературная деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич О.**
В.А. Жуковский, его жизнь и литературная деятельность / Огарков Василий Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 82 с.

ISBN 978-5-521-26032-4

ISBN 978-5-521-26032-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I.

Ранніе годы	5
-----------------------	---

II.

Благородный пансіонъ, служба и литература	15
---	----

III.

Извѣстность поэта и почести.	28
--------------------------------------	----

IV.

Поэзія и обязанности	41
--------------------------------	----

V.

Жуковскій въ обществѣ и дома.	54
---------------------------------------	----

VI.

Послѣдніе годы жизни.	62
-------------------------------	----

VII.

Значеніе Жуковского, какъ поэта.	72
--	----

Главнѣйшими источниками при составленіи очерка служили:

- 1) «В. А. Жуковскій и его произведенія», П. Загарина.
- 2) «Жизнь и поэзія Жуковского», К. К. Зейдлица.
- 3) «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковского», П. А. Плетнева.
- 4) «Характеристики литературныхъ мѣнѣй отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ», А. Н. Пыпина
- 5) «Собраніе сочиненій В. Жуковского».
- 6) «Сочиненія В. Бѣлинскаго» и друг.

Кромѣ вышеуказанныхъ книгъ, приходилось замѣтывать свѣдѣнія о жизни поэта изъ «Записокъ Смирновой» («Сѣверный Вѣстникъ»), «Дневника» Никитенко и изъ историческихъ журналовъ послѣдняго времени.

I.

Ранніе годы.

Свѣтлая личность Жуковскаго.—Его рожденіе.—Турчанка Сальха и Бунинъ.—Раздоръ и примиреніе Бунинныхъ.—«Васенька»—любимецъ семьи.—Помѣщичья жизнь въ прошломъ.—Феодалы и вассалы.—Обстановка Жуковскаго въ дѣтствѣ.—«Родимыя поля».—Среди женщинъ и дѣвочекъ.—Молодое и восторженное общество Мишенскаго.—Первые опыты ученія.—Вральманъ.—Пансіонъ Роде.—Народное училище.—Домъ Юшковыхъ въ Тулѣ.—Первый опытъ въ драматургіи.—Симпатичная наружность поэта.—Его военные походы.—Поездка въ Петербургъ.—Зимній дворецъ.—Жуковскаго опредѣляютъ въ Благородный пансіонъ въ Москву.

Есть такіа имена въ литературѣ, которыя, сіяя кроткимъ, лучезарнымъ свѣтомъ, привлекаютъ къ себѣ всѣхъ и рѣдко въ комъ способны возбуждать отрицательныя чувства. Чѣмъ-то мирнымъ, поэтическимъ вѣетъ отъ носителей этихъ именъ; при воспоминаніи о нихъ смолкаетъ злоба и вѣрится въ добро, счастье и красоту.

Одно изъ такихъ симпатичныхъ именъ въ русской литературѣ—Жуковскій, милый пѣвецъ «Свѣтланы», авторъ первыхъ романтическихъ балладъ на Руси, свѣтлыя поэтическія мечтанія котораго будили столько чистыхъ грезъ въ юношескихъ сердцахъ и жизнь котораго, несмотря на окружавшія его могучія искушенія,—была такъ-же прозрачно-чиста, какъ и его задумчивыя элегіи. Если съ именемъ Лермонтова соединяется представленіе о бурной, неудовлетворенной мысли, изливавшейся въ грозныхъ упрекахъ судьбѣ и людямъ, въ «стихѣ, облитомъ горечью и злостью»,—то, наоборотъ, лира Жуковскаго звучитъ кроткими, незлобивыми звуками, мирной, уравновѣшенной любовью къ людямъ и природѣ. Если и слышится въ звукахъ этой лиры скорбь,—то скорбь не титаническая и

бурная, а такая-же тихая и меланхолическая, какъ звуки «эоловой арфы», воспѣтой поэтомъ. Въ его поэзіи нѣтъ ни гордыхъ вызововъ небу, ни ядовитыхъ проклятій исторіи: поэтъ со страницъ своихъ произведеній смотритъ на насъ съ кроткой улыбкой. И вы, познакомившись съ искренностью пѣвца, чувствуете невольную симпатію къ нему за то, что его «сладкіе звуки и молитвы» раздавались въ тяжелую пору русской исторіи, умилая сердца и возбуждая гуманныя чувства тогда, когда кругомъ все было грубо и въ людяхъ дремало состраданіе.

Василій Андреевичъ Жуковскій былъ сыномъ помѣщика Афанасія Ивановича Бунина и турчанки Сальхи, взятой въ плѣнъ при штурмѣ крѣпости Бендеръ. Поэтъ родился 29-го января 1783 г. въ селѣ Мишенскомъ, въ Тульской губерніи, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Бѣлева. Воспріемникомъ его былъ дворянинъ Андрей Григорьевичъ Жуковскій, жившій у богатаго Бунина. Онъ усыновилъ ребенка и далъ ему свое имя.

Читатель будетъ правъ, если въ рассказанномъ увидитъ несовсѣмъ благопріятное обстоятельство для душевнаго настроенія поэта, и не будетъ большой ошибки предположить, что многія элегическія ноты поэзіи Жуковского обязаны тому факту, что мать его являлась рабыней въ домѣ, ставшемъ сыну роднымъ. И та глубокая потребность ласковыхъ, душевныхъ отношеній, жившая всю жизнь въ сердцѣ поэта и выраженіемъ которой служили его искреннія и трогательныя стихотворенія,—являлась естественнымъ слѣдствіемъ того, что въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, когда душа проситъ материнской ласки,—свободныя проявленія сыновняго чувства были стѣснены.

Кромѣ того обстоятельства, что мать Жуковского, плѣнная турчанка, была рабыней и въ присутствіи «господъ», къ числу которыхъ относился и ея собственный сынъ,—не смѣла садиться,—все, казалось, сложилось хорошо для будущаго поэта въ ранніе годы его жизни. Бунинъ, по рассказамъ знавшихъ его, былъ добрый и хорошій человѣкъ. Жена Бунина, Марья Григорьевна, урожденная Безобразова,—кроткая и умная женщина,—являлась въ окружавшей ее средѣ сравнительно развитымъ человѣкомъ, что доказывается и тѣмъ образованіемъ, которое она сумѣла дать, несмотря на невыгодныя для этого тогдашнія условія,—своимъ дочерямъ и Жуковскому.

Самъ Бунинъ очевидно тоже не былъ изъ породы Митрофанушекъ,—весьма распространеннаго типа того времени. Достаточно сказать, что единственный, горячо любимый сынъ Буниныхъ учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ и умеръ въ 1781 г. Потеря любимаго сына,—при отсутствіи надежды имѣть наслѣдника въ будущемъ,—являлась причиной, что Марья Григорьевна привязалась къ чуждому ей мальчику и перенесла на него тѣ ласки, которыя доставались прежде ея собственному сыну.

О появленіи Сальхи въ домѣ помѣщика Бунина существуетъ слѣдующій рассказъ. Во время румянцевскихъ походовъ противъ турокъ на войну отправлялись какъ мѣщане города Бѣлева, такъ и крестьяне изъ вотчинъ Бунина. Старикъ сказалъ въ шутку пришедшимъ къ нему проститься передъ отправленіемъ на войну крѣпостнымъ:

— Привезите мнѣ хорошенькую турчанку: жена моя со всѣмъ состарилась!

Это было принято въ-серьезъ, и къ барину привезли двухъ турчанокъ, родныхъ сестеръ, попавшихъ въ плѣнъ при взятіи Бендеръ. Мужъ молоденькой Сальхи былъ убитъ при штурмѣ, а сестра ея Фатима умерла вскорѣ по прибытіи въ Мишенское. Красивую и ловкую Сальху опредѣлили наней къ маленькимъ дочерямъ Бунина, Варварѣ и Екатеринѣ, которыя и учили ее говорить по-русски.

Хотя жены помѣщиковъ привыкли къ вольностямъ своихъ мужей по части женщинъ и должны были часто безропотно сносить существованіе при своихъ властелинахъ цѣлыхъ гаремовъ, но все-таки появленіе въ Мишенскомъ хорошенькой турчанки и несомнѣнное расположеніе, оказываемое ей Афанасіемъ Ивановичемъ, поселило раздоръ между супругами, такъ-что старикъ Бунинъ долженъ былъ поселиться въ сосѣднемъ флигелѣ, гдѣ жила Сальха и куда былъ запрещенъ входъ молодымъ дѣвицамъ, дочерямъ Марьи Григорьевны. Но къ чести послѣдней нужно сказать, что она скоро положила гнѣвъ на милость, и когда родился у Сальхи мальчикъ—будущій поэтъ, Марья Григорьевна, потерявшая своего единственнаго сына, привязалась къ ребенку. Крестной матерью родившагося была дочь Бунина,—впослѣдствіи вышедшая замужъ за Юшкова,—

Варвара Афанасьевна, съ дочерьми которой существовали близкія, дружескія отношенія у поэта во всю его жизнь.

Старики помирились. Ихъ вѣроятно снова сблизило появленіе въ домѣ этого ребенка, на которомъ они сосредоточили свои ласки и заботы. Маленькій «Васенька» сдѣлался любимцемъ семьи: его окружили цѣлымъ штатомъ прислуги, онъ сталъ «господское дитя», въ силу уже этого отгороженное стѣною даже отъ своей матери, которая только урывками могла дарить ему свои ласки. «Патріархальные» нравы не исключали возможности подобныхъ жесткихъ явленій: слишкомъ сильны были кастовыя различія, чтобы даже во имя гуманности можно было забыть о нихъ окончательно. Въ такихъ отношеніяхъ выражалось (въ болѣе конечно слабой степени) то-же самое чувство, которое проявлялось у браминовъ, предпочитавшихъ смерть «нечестивому» прикосновенію къ парію.

Не мало было привлекательнаго и поэтичнаго въ старинной помѣщичьей жизни, въ особенности съ точки зрѣнія лицъ, принадлежавшихъ къ этому привилегированному барскому кругу. Самый уже контрастъ между феодаломъ-помѣщикомъ и покорными ему вассалами-крѣпостными, — которыхъ онъ былъ безграничнымъ властелиномъ, — представляется интереснымъ и способствовавшимъ проявленію, такъ-называемыхъ, «рыцарскихъ чувствъ» со стороны феодаловъ. Не всегда, разумѣется, видѣли въ такомъ порядкѣ отраду вассалы; но нельзя отрицать и того, что въ частныхъ случаяхъ общій фонъ картины значительно скрашивали «патріархальныя» отношенія между помѣщикомъ и крѣпостными. Со стороны барина эта «патріархальность» не исключала однако возможности примѣненія отеческихъ мѣръ, а со стороны холоповъ — примѣрной преданности и благодарности. Эта преданность являлась весьма естественнымъ послѣдствіемъ той вѣковой дрессировки, которой подвергалась крестьянская масса и которая порождала явленія, вызвавшія горькія слова покойнаго поэта «мести и печали»:

Люди холопскаго званія —
Сущіе псы иногда:
Чѣмъ тяжелѣй наказаніе, —
Тѣмъ пмъ милѣй господа...

Всѣ эти условія помѣщичьей жизни были на лицо и въ исторіи нашего поэта, но въ болѣе смягченной формѣ. Его

раннее дѣтство прошло въ богатомъ, огромномъ барскомъ домѣ съ толпой прислуги и челяди. Были тутъ и терпѣливыя няни, вродѣ знаменитой няни Пушкина, способныя положить «душу» и жизнь свою за питомцевъ; были и безшабашные дворовые «лодыри»... Огромный садъ шумѣлъ своими вѣковыми деревьями и можетъ-быть тамъ, въ тѣни его, неясно созрѣвали тѣ поэтическія вдохновенія мальчика, которыя потомъ вылились въ чудесныхъ стихахъ. Въ саду были садки, пруды, оранжереи, теплицы; невдалекѣ манила дубовая роща, по долинѣ бѣжалъ ручеекъ, изъ дома и сада виднѣлись луга и нивы, село съ церковью, — манили просторныя дали... Въ этой обстановкѣ проходило дѣтство поэта, и впечатлительный мальчикъ сохранилъ въ душѣ на всю жизнь воспоминаніе о колыбели своего дѣтства — взлелѣявшей его «родинѣ»... Кто не помнитъ этой трогательной дани «родимымъ полямъ» хотя-бы въ слѣдующихъ стихахъ:

...Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златая игра первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки, —
Что вашу прелесть замѣнить?
О, родина святая, —
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Перебирая всѣ тѣ условія, которыя съ дѣтства питали музу Жуковского и забрасывали въ его душу поэтическія сѣмена, давшія впослѣдствіи обильную жатву, нужно остановиться на слѣдующемъ обстоятельстве. Все дѣтство, отрочество и юность поэтъ провелъ среди дѣвочекъ, со многими изъ которыхъ у него на всю жизнь сохранились задушевные отношенія. Это были его племянницы, дѣти дочерей Марьи Григорьевны. Особенно Жуковский былъ друженъ съ дѣвочками Юшковыми, изъ которыхъ одна — впослѣдствіи Анна Петровна Зонтагъ — стала извѣстной писательницей. Нѣсколько позже особенная дружба связывала его съ Марьей Андреевной Протасовой, къ которой поэтъ питалъ восторженную привязанность; но романъ съ нею былъ неудаченъ, и это наложило нѣсколько новыхъ элегическихъ штриховъ на поэзію Жуковского. Окруженный этими друзьями, изъ которыхъ нѣкоторые отличались чуткостью и

восторженностью, убаюкиваемый ихъ нѣжными заботами и попеченіями, поэтъ рано взрастилъ въ себѣ то — отчасти сентиментально-платоническое уваженіе къ женщинѣ, которое было такъ родственно и многимъ героямъ его балладъ и элегій. Это молодое и восторженное женское общество являлось постоянной аудиторіей поэта: ей онъ повѣрялъ свои вдохновенія, ея одобреніе служило для него критической мѣркой, а восторгъ, съ которымъ встрѣчались ея творенія юноши, — наградой послѣднему. Вся эта ватага молодежи бѣгала по саду, полямъ и лугамъ; среди помянутаго общества, въ разнообразныхъ и живыхъ играхъ, невольно возбуждалось воображеніе, совершался обмѣнъ мыслей и укрѣплялись симпатичныя связи. Стоитъ прочесть письма поэта къ ставшимъ взрослыми членамъ этого дѣтскаго кружка, — письма, исполненные нѣжной дружбы и, до самой старости Жуковского, какой-то трогательной скромности, — чтобы видѣть, насколько сильны у него были связи съ друзьями дѣтства, а также и чистую, голубиную душу поэта. Укажемъ здѣсь кстати и на то, что упомянутый выше дѣвственный ареопагъ съ раннихъ лѣтъ направлялъ Жуковского на путь дѣвственной, цѣломудренной лирики.

Къ шестилѣтнему «Васенькѣ» Афанасій Ивановичъ написалъ изъ Москвы «нѣмца», котораго вмѣстѣ съ воспитанникомъ помѣстили во флигелѣ. Но этотъ первый опытъ ученія окончился неудачно. Нѣмецъ оказался изъ породы Вральмановъ и считалъ главными педагогическими пособіями розги, практикуя кромѣ того надъ воспитанникомъ порою и тяжелую пытку, весьма впрочемъ употребительную въ учебномъ обиходѣ прошлаго: ставилъ питомца голыми колѣнями на горохъ. Но любимецъ всего дома поднималъ страшный крикъ при примѣненіяхъ этого воспитательнаго артикула, и Вральмана быстро убрали. Опыты крестнаго отца Андрея Григорьевича по части привитія мальчику учености тоже не были особенно удачны: Васенька вмѣсто буквъ рисовалъ грифелемъ на доскѣ, а также и мѣломъ на полу и стѣнахъ разныя фигуры и «рожи». Мы упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве съ цѣлью указать, что еще въ раннемъ дѣтствѣ Жуковский обнаружилъ талантъ къ живописи и въ послѣдствіи, какъ извѣстно, онъ недурно рисовалъ: его акварели, а также и картина масляными красками хранятся у его родственниковъ и друзей.

Съ этими дѣтскими рисовальными упражненіями поэта связанъ случай, о которомъ считаемъ нелишнимъ упомянуть, такъ какъ Васенька въ немъ явился героемъ, переполошившимъ всю дѣвичью; этотъ эпизодъ съ другой стороны указываетъ на религіозность того общества, гдѣ провелъ юношескіе годы поэтъ, что въ свою очередь можетъ служить объясненіемъ искренней религіозности самого Жуковского, не оставлявшей его во всю жизнь. Разъ пятилѣтній «Васенька», оставшись въ дѣвичьей одинъ и усѣвшись на полу, принялся срисовывать образъ Божіей Матери. Никто этого не видалъ, а самъ рисовальщикъ, сдѣлавъ рисунокъ, пошелъ къ Марѣ Григорьевнѣ. Возвратившіяся служанки съ испугомъ и благоговѣніемъ смотрѣли на изображеніе иконы. Онѣ побѣждали къ барынѣ и объявили о «чудѣ». Однако Марья Григорьевна, увидѣвъ запачканныя мѣломъ руки Васеньки, догадалась, въ чемъ дѣло, и разрушила иллюзію «чудеснаго».

Къ этому времени Бунины переселились въ Тулу. Тамъ мальчика стали посылать въ пансіонъ Роде, а на домъ взяли ему репетитора. Однако занятія шли не особенно успѣшно. Вскорѣ отецъ Жуковского скончался (въ мартѣ 1791 г.), поручивъ сына заботамъ жены, которая свято сдержала данное мужу обѣщаніе. Считаемъ нелишнимъ отмѣтить гуманное и честное отношеніе Марьи Григорьевны къ питомцу и его матери-турчанкѣ, что указываетъ на Бунину, какъ на добрую и симпатичную женщину. Изъ доставшихся дочерямъ Марьи Григорьевны средствъ она отдѣлила у каждой по 2,500 р., и эти деньги составили капиталъ Жуковского.

Осенью этого-же 1791 г. мальчикъ поступилъ къ Роде полнымъ пансіонеромъ; но это его не отрывало отъ семейнаго кружка, къ которому онъ привязался: мальчика часто брали домой, а весною всѣ переѣзжали въ деревню, гдѣ оставались до осени, наслаждаясь вволю деревенскимъ раздольемъ.

Послѣ пансіона Роде Жуковский учился въ народномъ училищѣ, гдѣ однако тоже неособенно отличался и откуда былъ даже исключенъ за «неспособность». Замѣчательно, что многіе наши писатели, прославившіеся впоследствии какъ оригинальные мыслители и художники, оказывались, по мнѣнію педагоговъ, «неспособными» въ школѣ. Вѣроятно въ этомъ сказывалось отсутствіе интереснаго въ преподававшихся наукахъ, не-

укладывавшихся въ живыя души воспитанниковъ, а съ другой стороны — и неспособность педагоговъ подмѣтить дарованія въ ученикахъ.

Французскимъ и нѣмецкимъ языками Жуковскій занимался дома, вмѣстѣ съ своими родственницами. Тутъ и было положено основаніе тому прекрасному знанію языковъ, которымъ впоследствии отличался поэтъ и которое дало начало его литературной извѣстности.

Домъ Юшковыхъ, гдѣ жилъ въ отроческіе годы Жуковскій, считался однимъ изъ интеллигентныхъ домовъ въ Тулѣ. Сама Варвара Афанасьевна Юшкова, — по отзыву въ запискахъ Болотова, — была «боярыня молодая, очень умная, любопытная и ласковая». Отличалась музыкальными дарованіями, она устроила у себя литературно-музыкальные вечера, гдѣ собиралось большое общество; здѣсь пѣлись новѣйшіе романсы, читались только-что появившіяся произведенія тогдашней, — правда, убогой, — русской литературы и устраивались спектакли. Здѣсь-то, въ обстановкѣ, способствовавшей раннему умственному развитію, возникли впервые тѣ стремленія къ области художественнаго, которыя были такъ родственны изящной натурѣ Жуковского. Здѣсь, въ домѣ своей крестной матери, поэтъ въ 12-тилѣтнемъ возрастѣ выступаетъ уже въ качествѣ драматурга. Онъ написалъ пьесу: «Камилль или освобожденіе Рима», гдѣ взялъ себѣ главную роль. Эта пьеса была приготовлена къ пріѣзду его пріемной матери, Марьи Григорьевны, которая осталась очень довольна выдумкой мальчика. Жуковскій удостоился шумнаго одобренія. Въ указанномъ обстоятельствѣ можно было уже до извѣстной степени видѣть предзнаменованіе дальнѣйшихъ успѣховъ поэта на литературномъ поприщѣ.

Самая наружность Жуковского въ дѣтствѣ тоже обѣщала въ немъ незауряднаго человѣка. По рассказамъ знавшихъ его, онъ былъ мальчикъ ловкій и стройный. Изъ подъ черныхъ рѣсницъ блистали умомъ большіе каріе глаза, черныя брови рѣзко выдѣлялись подъ большимъ лбомъ. Густые, длинные черные волосы вились по плечамъ. Пріятная улыбка, оживленное румянцемъ лицо, какая-то особенная мечтательность во взглядѣ — все это вмѣстѣ съ симпатичнымъ и добродушнымъ характеромъ привлекало къ мальчику. Нужно замѣтить, что всѣ